

Два документа о состояніи малороссійскаго козачества въ половинѣ XVIII ст.

Въ помѣщенной предъ симъ рѣчи неизвѣстный авторъ, изображая печальное положеніе Малороссіи ко всѣмъ сторонамъ ея жизни въ половинѣ прошлаго столѣтія, сѣтуетъ, между прочимъ, и на упадокъ козачества, не опредѣляя однако частными чертами этого упадка, но указывая лишь на тяжесть его службы и экономического положенія. Приводимые документы представляютъ офиціальное свидѣтельство объ этомъ упадкѣ, съ точки зрѣнія военной, идущее съ другой стороны и относящееся къ тому-же почти времени. Это два предложенія малороссійской коллегіи тогдашняго правителя Малороссіи, или лѣвобережной Украйны, и главнаго начальника малороссійскихъ козаковъ и Коша запорожскаго, гр. П. А. Румянцева. Его, не знакомаго съ исторіею и порядками страны, равно особенностями козачей службы, воспитаннаго на началахъ особой дисциплины и привыкшаго командовать регулярными войсками, поражаетъ—въ одномъ случаѣ полное отсутствіе воинскаго строя и знанія военныхъ артикуловъ въ пестроревыхъ ротахъ, видимо уже до него переформированныхъ и назначенныхъ для карауловъ при малороссійской коллегіи и ея подраздѣленіяхъ, въ другомъ—отказъ козаковъ синявской сотни черниговскаго полка подчиниться объявленному теперь набору способнѣйшихъ изъ козачьихъ семействъ на постоянную воинскую службу. Вполнѣ убѣжденный въ вѣрности своихъ воззрѣній, основанныхъ на привычныхъ ему порядкахъ, Румянцевъ, не углубляясь далеко, твердо настаиваетъ на безусловномъ ихъ примѣненіи, а непокорныхъ подвергаетъ строгому наказанію, употребляя въ дѣло даже классическое мѣстное наказаніе «кіями».

Въ обоихъ случаяхъ, на которые указываютъ помѣщаемые документы, мы видимъ борьбу новыхъ порядковъ съ старыми, общерусскихъ, заведенныхъ Петромъ I и усиленныхъ послѣ семилѣтней войны, въ которой, какъ извѣстно, принималъ Румянцевъ и личное участіе, и мѣстными малороссійскими, унаслѣдованными отъ временъ давнихъ. Тутъ однако происходитъ тоже любопытное *qui pro quo*, какое мы видѣли въ отношеніяхъ Румянцева къ Западной Украйнѣ, при началѣ въ ней

возстанія 1768 г. Румянцевъ усматриваетъ и строго преслѣдуетъ въ козакахъ упадокъ военнаго строя и дисциплины и уклоненіе отъ воинской службы. То и другое явленіе мы дѣйствительно видимъ въ тогдашнемъ козачествѣ, но они были послѣдствіемъ причинъ и условій, которыхъ не въ силахъ было ни измѣнить, ни преодолѣть само козачество, но которыя, при тщательномъ изученіи особенностей страны и ея исторіи, могъ-бы примѣтить и устранить всеильный ея правитель. Кто болѣе козаковъ любилъ жизнь и славу военную, кто болѣе ихъ славился воинственнымъ духомъ и самымъ строгимъ строемъ и подчиненностію, но не какъ послѣдствіемъ изученія «пунктиковъ» военнаго устава, а какъ отраженіемъ высшаго, объединявшаго ихъ духа и привычки всей жизни, посвященной военному дѣлу? Въ строгости военнаго строя и порядка, не говоря о храбрости, не отказывали имъ и самые враги ихъ—поляки во время страшныхъ козацкихъ войнъ. Вся исторія малороссійскаго народа свидѣтельствовала, что это былъ одинъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ. Козачество было идеаломъ жизни, козакъ—народнымъ героемъ; выше долга военнаго, цѣлей войны, самой войны не было для него ничего, для нихъ онъ жертвовалъ, какъ показываетъ весь циклъ народныхъ пѣсень, всѣми своими привязанностями и самыми возвышенными чувствами—отца, сына, мужа, жениха. Но—война родитъ и держитъ духъ воинственный, какъ любовь къ родинѣ, охрана ея цѣлости, защита ея отъ опасностей извнѣ влекутъ къ войнѣ. Ближайшее служеніе интересамъ отчизны, особливо, когда они становятся личными всѣхъ и каждого интересами, какъ было прежде въ непрерывной борьбѣ съ угнетеніями отъ поляковъ и нападеніями татаръ, вызывало неудержимое влеченіе къ войнѣ и создавало идеаль народнаго защитника въ лицѣ козака. Съ другой стороны постоянная походная жизнь отъ дней юности до заката ихъ, войны, сраженія и стычки, какъ явленія обыденной жизни, лучше всякихъ артикуловъ учили козака строю и порядку военно-походной жизни, закаляя его духъ и тѣло, развивая въ немъ самодѣятельность, придавая ему выносливость, выправку и видъ военный. Понятно, что когда война была насущною, такъ сказать, потребностію народной жизни, ясно всѣми сознаваемою и чувствуемою, не мыслима была какая либо обязательность воинской службы и не нужно было къ ней привлекать или обязывать какимъ-бы то ни было способомъ; каждая община, каждая семья знала, кому идти на войну и никогда сабля козачья не лежала заржавленною. Въ эпоху козацкихъ войнъ мы видимъ всенародное въ нихъ участіе и за тѣмъ поголовное стремленіе записаться въ «регистровые» и особыя усилія правительства ограничить ихъ число. Званіе козака давало извѣстныя права, въ томъ числѣ и право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, но за тѣмъ и служба козачья была службою за землю, и тутъ-то соглашались интересы службы съ нуждами веденія хозяйства, поддержанія семьи. Кромѣ обстоятельствъ чрезвычайныхъ, несъ службу одинъ изъ семьи,—болѣе способный, охочій или свободный, кто вызывался самъ, или кого избирала семья и много-много ближайшая община (деревня или сотня).

Но уже давно измѣнились многія условія жизни и службы коза соединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ раздвинулись предѣлы отечества и удерживаемое еще на особыхъ правахъ и несплоченное съ прочими сударства, не могло расширить своего патріотическаго кругозора и на нихъ, уходящихъ въ область прошлаго, задачъ и идеаловъ жизни с Наступившіе новые порядки не давали ему никакой опредѣленной, жизни они давно оторвали его отъ родной его стихіи и храбрыхъ «рыцарей ному влеченію превратили въ солдатъ по обязательству и, что еще х стыхъ караульныхъ и землекоповъ. Отъ времени полтавской битвы коза не видѣли поля сраженія и обречены были на тяжкую и унижител рытья каналовъ, насыпки валовъ и устройства ретраншаментовъ, щал гихъ укрѣпленій на сѣверѣ, югѣ и отдаленномъ востокѣ. Рѣдкій год чтобы они тысячами и десятками тысячъ не были отправляемы на эт то или другое мѣсто. Сѣверныя тундры, берега Ладоги и Онеги, устья въ особенности для нихъ губительны и едва десятый процентъ ихъ домой. Гдѣ тутъ было удержаться духу воинственному, гдѣ навыкну строю и порядку? Съ другой стороны и жизнь дома, на мѣстѣ, стан отъ году тяжелѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I-й учаль ставить на по своей волѣ, а не по исконному въ козачествѣ выбору, притомъ чу не рѣдко и проходимцевъ, и отдавать имъ полки козачіе въ награду козачеству заслугъ, старшина козачая стала смотрѣть на уряды, какъ къ наживѣ, и обнаруживать въ своемъ управленіи тотъ-же деспотизм несла. Теперь держались на урядахъ не доблестями военными, для было уже и мѣста, не заботливостію о своихъ подчиненныхъ, но истекцій, прислуживаніемъ сильнымъ и близкимъ къ двору лицамъ, на смотрѣли съ пренебреженіемъ, обращая ихъ на свои послуги и отъ неправдами ихъ земли и угодья. Среди такой безладицы, среди всео погони за наживою и неразлучныхъ съ нею интригъ, искательства и не упасть было духу и строю воинскому и самой охотѣ къ воинской заки дѣйствительно отвиливали и уклонялись отъ нея, переходили въ нимались промыслами, торговали водкой. Но преданія о лучшихъ време льготной и болѣе манившей къ себѣ службѣ еще живы были въ народ свободаго вступленія въ службу и замѣны въ оной одного члена се и, при отсутствіи членовъ способныхъ, даже наемщикомъ, былъ еще въ хотя легко допустить, что въ виду тягости и непривлекательности коза козачьи семьи отдавали ей то, что для нихъ самихъ наименѣе было п традиціи ясно сказались въ обоихъ протестахъ, съ которыми встрѣ Румянцевъ, но онъ не захотѣлъ понять ихъ и согласить нужды народ ваніями военнаго искусства и распорядился съ необученными и неп своему,—какъ распорядился, читатель усмотритъ изъ самыхъ документ

I.

Малороссійской коллегіи.

Я отъ времени въ другое, къ немалому предосужденію службы, видеть и терпеть принужденъ находящихся при малороссійской коллегіи солдатскихъ ротъ многія неустройства и безпорядки, что хотя оне імя регулярныхъ на себе носятъ ратей ея императорскаго величества, денежное жалованье получаютъ, вовсе жъ и выда того не имѣютъ, но самого подлого и ничто вѣдущаго крестьянина. Въ доказательство жъ служить, что предъ недавнимъ временемъ бывшіе при коллегіи на карауле отдавшихъ имъ подъ карауль полку его величества, короля польского, трехъ человекъ беглыхъ драгунъ изъ самой караули, и всехъ въ одно время, упустили и чрезъ то для всей арміи безславіе нанесли, въ разсужденіи, что въ Полше о арестантахъ сихъ, яко они отдани были подъ карауль, никакова военнова порятка не знаетъ, сведения не имеетъ; наконецъ-же сперва три изъ сихъ солдатъ, а вчерашнего числа большая часть первой роты техъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотели спрашивать, какую оне службу впредъ исправлять будутъ, объявляя, что оне въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили волно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была, но въ коллегіи малороссійской не безъизвѣстно, что и предки ихъ никогда козацкой службы не отправляли и ниже въ походахъ где и когда бывали, но единственно для карауловъ при бывшей здѣсь генеральной канцеляріи гетмановъ и на уряде техъ генераловъ, и содержани были на самомъ маломъ жалованье, и служили пешие, а сіи, имея жалованье большое, мундиръ и аммуницію изъ казны ея императорскаго величества, и большою частию люди охочіе, однакожъ, какъ выше сказано, службы исправлять не хотятъ, а для того даннымъ отъ меня господину брегадиру и оной коллегіи члену, князю Мещерскому ордеромъ велѣно объявление обе солдатские роты разобрать и тѣхъ, а особо кои мне свое не желаніе служить объявили и за то отъ меня подъ карауль отдани, и изъ нихъ, нашедъ зачинщиковъ, нещадно при собраніи протчихъ виновныхъ оныхъ солдатовъ, плетми высѣчь и отдать въ здешней острогъ на годъ для употребленія на всякіи случающіися по городу работы, а протчимъ въ томъ-же участникамъ по тому жъ *учиня плетми наказаніе и отобрать всѣ вещи, изъ солдатскаго званія исключить и отпустить въ домъ ихъ безъ всѣхъ видовъ, а*

оберъ и ундеръ-офицеровъ приличившихся въ томъ же или попустившихъ на то, какъ незнающихъ никакова военнова порятка, въ разсужденіи что еслибъ они были свѣдущи, то конечно и подчиненніи ихъ до такой подлости и дерзновеній неслыханныхъ доведени и допущени не были, отъ службы и должности отрѣшить, а за тѣмъ изъ оставшихъ, по усмотрѣнію ево господина брегадира къ службѣ способныхъ офицеровъ и редовихъ сочинить одну роту въ числѣ полевого мушкетерскаго полку роты и именовать ее фузелерною, при коллегіи опредѣленною, ротою и расположить здѣсь, въ Глуховѣ, по квартирамъ, такъ чтобъ дѣлили на четыре смѣны для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной коммисіямъ, повсюды доставало ежедневно и обще съ разводомъ, а въ прочіи мѣста отнюдь никауда, въ разсужденіи, что по апробованнымъ отъ ея императорскаго величества штатамъ коллегій и канцелярій членамъ, кои не при воинской командѣ дѣйствительно служатъ, караулу давать не опредѣлено, престарѣлыхъ-же, слабыхъ и желающихъ въ отставку отпустить въ дома ихъ съ паспортами и свидѣтельствомъ, что они служили добропорядочно, всѣ мундирные-жъ, аммуничные и оружейные вещи потому-жъ пересмотрѣть и самые лутчіе при ротѣ на людей, а за тѣмъ излишніе и негодные въ цейхгаузъ отдать, о чемъ малороссійская коллегія имѣеть вѣдать.

Генераль Румянцевъ.

5 декабря 1765 г.

Глуховъ.

II.

Малороссійской коллегіи.

Полковникъ чернѣговскій Милорадовичъ представляетъ мнѣ, по репорту въ полковую канцелярію отъ асаула полкового Ивана Сахновского, который опредѣленъ, въ силу указа малороссійской коллегіи, выбрать въ томъ полку навсегда къ войсковой службѣ козаковъ, что когда онъ, окончивши въ прочихъ сотняхъ чернѣговскаго полку подлежащій выборъ, прибылъ для того-же въ сотню синявскую; то многіе тоя сотни козаки, отъ неистовства въ пьянствѣ будучи, повелѣнія таковаго о службѣ, чрезъ показаннаго полкового старшину имъ объявленнаго, не приняли, и подписки отъ себя не дали, которою, по инструкціи сему старшинѣ отъ полковой чернѣговской канцеляріи данной, велѣно ихъ обя-

зывать, чтобъ выбранные изъ нихъ къ службѣ завсегда-бы сами, не перемѣняясь другими, служили, а братья-бы и свойственники вспомогали ихъ въ хозяйствѣ. При семъ случаѣ нельзя похвалить и того, что полковая канцелярія отъ себя прибавила, дабы сихъ выбранныхъ козаковъ еще обовязывать подписками, что должно имъ такъ служить, какъ они выбраны. Подписками обовязывать нужда бываетъ иногда въ земскихъ дѣлахъ, или по изданнымъ въ вародѣ о чемъ либо публикаціямъ, въ достовѣріе, что оныя къ исполненію всѣмъ объявлены; но такимъ образомъ поступать и въ дѣлахъ военныхъ вовся несходно съ военнымъ обрядомъ, гдѣ взыскуется то наипаче, чтобъ начальника всякое повелительное слово всѣ подчиненные ставили себѣ за ненарушимой долгъ исполнять, кромѣ другихъ обязательствъ. Безъ такого послушанія ослабѣли регулы военныя, произведшія стелько найвящихъ успѣховъ строгимъ соблюденіемъ повелѣній начильства, по неотложному повиновенію тому подвластныхъ. Всякому однакожь невѣждѣ все то нововводимымъ кажется, чего онъ не знаетъ или по крайней мѣрѣ вѣдать не хочетъ. Порядокъ лучшій, изъстари уставленный и возобновляемой токмо въ нынѣшнемъ переборѣ къ службѣ козаковъ, такимъ образомъ приѣмлютъ означенной синявской сотни козаки, по буйству и невѣденію о собственномъ состояніи, за новое введеніе; яко во всѣхъ статьяхъ гетманскихъ, начавъ отъ времени гетмана Хмелницкого, число козаковъ особливо для службы назначено было именемъ реестровыхъ, какъ по статьи—Богдана 2-й, Юрія 6-й Хмелницкихъ положено быть 60,000, о сихъ реестровыхъ козакахъ во 2-й упоминаетъ Бруховецкій, Многогрѣшного въ 4-й назначено 30,000, а Самойловича въ 16-й 20,000, Мазепы въ 3-й 30,000, а напоследокъ, по имянному блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоановны (17)35 году, указу учреждено въ Малой Россіи 20,000 выборныхъ козаковъ, оставшіяся же опредѣлены къ вспомоствованію симъ. Сіи реестровые или выборные козаки, какъ по статьямъ значить, долженствовали быть всегда на службѣ. Прибавлено въ статьяхъ Самойловича и Мазепы, чтобъ въ недостаткѣ въ полкахъ назначенного числа козаковъ, записывать въ реестровое число оныхъ изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей токмо, а изъ мужиковъ запрещено, чемъ доказывается, что одни только персоны, а не цѣлыя дѣмы служили. Такъ и нынѣ, на основаніи сихъ установлений, повелѣно выбрать изъ способнѣйшихъ къ службѣ между козаками, которые-бы разумѣя должность

на себѣ лежащую, навыкнули прямому оныя употребленію, инакоже естли по дворамъ наряжать къ службѣ, не выбравъ въ тому одного, то чемъ можетъ вся семья отговориться, чтобъ не быть всѣмъ вдругъ высланнымъ по нарядамъ, поелику они козачьего званія, и кого напротивъ изъ такого дому выслать останется, который-бы выборной статьи былъ, но въ немъ жила-бъ вдова или малолѣтныя дѣти? Однако жъ не разсуждая на сіе, внесены въ ревизію въ число выборныхъ козаковъ овдовѣлыя и престарѣлыя жены; по дѣйствию корыстолюбія иногда начальниковъ, и что записавшій свой домъ въ статью выборную, и сложивши чрезъ то всѣ должности съ себя на подпомощниковъ, освобождается во все время отъ всякихъ дачъ, не отправляя при томъ и той службы, для которой выбранъ. Всякъ представить себѣ можетъ, воображая сіи основанія и еще другіе, здѣсь не упоминаемые, что оныя потребили въ козакахъ видъ военнаго человѣка, такъ, что не остается надѣяться увидѣть ихъ когда либо лучшими, ежели не взять мѣръ могущихъ поправить настоящія непорядки. Къ чему инако вельзя приступить, какъ первіе чрезъ выборъ способныхъ козаковъ къ службѣ, которые-бы не могли уже примѣромъ нынѣшнимъ смѣняемы быть другими своими домашними или наймитами, которые по невинности часто терпятъ то, что должно несть-бы ихъ поставившему. Посему малороссійская коллегія дать указъ имѣеть тотъ часъ полковнику черниговскому Милорадовичу, чтобъ онъ, съѣхавъ самъ въ сотню синявскую, всѣхъ показанныхъ, по репорту асаула Сахновскаго взятыхъ и не забранныхъ еще подъ караулъ козаковъ, дерзнувшихъ, какъ выше значить, показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками такъ, какъ написаны Сахновскимъ, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко огуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкого (гдѣ установлено: „которые-бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить огурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статей отпадать и къ градскимъ должностямъ причтенъ быть имѣеть“), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть по-

слушными, равно-же и о томъ, что и съ протчими въ подобныхъ
ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы
всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни
о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано.

Генераль Румянцевъ.

Апрѣля 11 дня 1768 года
въ Глуховѣ.